

МАРК ТАРЛОВСКИЙ

Из "Собрания стихов. 1921-1951"

Предисловие и публикация Вадима Перельмутера

Оригинал здесь - <http://www.utoronto.ca/tsq/02/tarlovskij.shtml>

Липкин рассказывал мне, как в 1922 году к только что переехавшему в Москву Георгию Шенгели постучался подростково-хрупкий двадцатилетний студент филфака МГУ. Он переступил порог со словами: "Бей, но выучи!" Это был Марк Тарловский.

"Он точный мастер!" - сказал Олеша о Шенгели.

Для характеристики Тарловского тут надо заменить всего одну букву: "Он тонкий мастер!" В столкновении с литературной ситуацией выпавшего ему времени тонкость обернулась ломкостью...

Марк Ариевич Тарловский родился 20 июля (2 августа) 1902 года в Елисаветграде (Кировограде). Вскоре семья переехала в Одессу, где поэт и прожил до поступления в Московский университет. Стихи начал писать в гимназии. Совсем юным - "младшим собратом" - вошел, как говорится, в круг будущих одесских знаменитостей: Багрицкий, Катаев, Олеша...

Печататься стал уже в Москве. На исходе университетских лет всерьез подумывал о филологической карьере. Его работу "Образ автора в "Слове о полку Игореве" высоко оценил Самарин, которому понравилось и сделанное тогда же Тарловским переложение "Слова", как выразился маститый профессор, "в стиле Алексея Толстого". Однако научная деятельность не задалась - ее оттеснили стихи.

Бил ли его Шенгели - свидетельств не сохранилось, но выучил, вернее, помог выучиться. Нечто вроде надписи Жуковского: "Победителю-ученику..." - читается в подзаголовке поэмы Шенгели "Пушки в Кремле": "Подражание Тарловскому". Впрочем, такого рода состязание было обоюдным: венок сонетов Тарловского "Жемчуг" явно иницирован "Осенним венком" учителя. Есть и другие примеры...

Первая книга Тарловского "Иронический сад" вышла в 1928 году. И молодой поэт "проснулся знаменитым". Эта отличная, совершенно зрелая книга автора со своим голосом и почерком была сразу замечена - и поэтами, и критиками. К сожалению, в числе последних первыми были РАППовцы, сразу почуявшие добычу, возможность безопасно напасть на не защищенного репутацией и литературными связями сочинителя. Его обвинили в формализме, архаизме, чуть ли не контрреволюционности, в "протаскивании" традиций старой литературы, а также и в "гумилевщине". И надо признать, что все эти филиппики были вполне резонны.

Сложные формальные задачи Тарловский решал замечательно, с легкостью даже несколько демонстративной (хотя до написанного позже "Искусства", с его двойными анжамбеманами, в этом смысле было еще не близко). Реминисценции и цитаты из Пушкина, Лермонтова и прочей классики в книги тоже присутствовали не мимоходом. Равно как эхо гумилевского ритмического звона (в предлагаемой выборке его можно услышать, например, в "Возвращении" или в "Гавайских островах"). Что все это служило собственным художественным целям поэта - обвинителей не интересовало. Они добивались своего - и добились: указали мишень литературным властям.

В 1929 году вторая книга Тарловского "Почтовый голубь" была "зарублена" цензурой-главлитом, сохранилась лишь верстка. В неузнаваемо изувеченном (самим автором) виде она вышла два года спустя под заглавием "Бумеранг". В котором рапповцы тоже различили криминал: дескать, зашифрованы таким образом инициалы... "Николай Гумилев"! На что Тарловский недоуменно возражал, если бы он назвал книгу, допустим, "Мозг", в том вероятно, увиделась бы апология эмигрантки Зинаиды Гиппиус...

Он не выдержал грубого натиска. Третья книга - "Рождение родины" (1935) - сделана специально, "чтобы напечатали". И не стоит его дара...

Шенгели помог ему и тут - "приютил" в художественном переводе, нише, которую к тому времени - обустроил для себя и тех, кого все решительней вытесняли из литературы, лишали возможности печататься.

Переводил Тарловский много и быстро, используя блестящую технику не по назначению, из пушки по воробьям, относился к делу профессионально, не более того. Выбором себя не утруждал - брал чуть не все, что предлагали. Это приносило материальное благополучие - и уносило жизненные силы.

Кое-что стало хрестоматийно знаменитым, вроде вошедшего в учебники Джамбула: "Ленинградцы, дети мои"... Но радоваться было нечему.

Больше половины написанного оставалось в столе. Впрочем, с годами он писал для себя все меньше...

Тарловский умер, не дожив до пятидесяти, 17 июля 1952 года. От инсульта. На улице Горького (Тверской), в ста метрах от памятника Пушкину...

Продержись он еще три-четыре года, литературная судьба могла обернуться иначе. Но смерть не знает сослагательного наклонения.